

Михаил Чехов

Дядя Гиляй

Михаил Павлович Чехов

Дядя Гиляй

«На В. А. Гиляровском стоит остановиться подольше. Однажды, еще в самые ранние годы нашего пребывания в Москве, брат Антон вернулся откуда-то домой и сказал:

– Мама, завтра придет ко мне некто Гиляровский. Хорошо бы его чем-нибудь угостить...»

М. П. Чехов
Дядя Гиляй

На В. А. Гиляровском стоит остановиться поближе.

Однажды, еще в самые ранние годы нашего пребывания в Москве, брат Антон вернулся откуда-то домой и сказал:

– Мама, завтра придет ко мне некто Гиляровский. Хорошо бы его чем-нибудь угостить.

Приход Гиляровского пришелся как раз на воскресенье, и мать испекла пирог с капустой и приготовила водочки. Явился Гиляровский. Это был тогда еще молодой человек, среднего роста, необыкновенно могучий и коренастый, в высоких охотничьих сапогах. Жизнерадостностью от него так и прыскало во все стороны. Он сразу же стал с нами на «ты», предложил нам пощупать его железные мускулы на руках, свернул в трубочку копейку, свертел винтом чайную ложку, дал всем понюхать табаку, показал несколько изумительных фокусов на картах, рассказал много самых рискованных анекдотов и, оставив по себе недурное впечатление, ушел. С тех пор он стал бывать у нас и всякий раз вносил с собой какое-то особое оживление. Оказалось, что он

писал стихи и, кроме того, был репортером по отделу происшествий в «Русских ведомостях». Как репортер он был исключителен.

Гиляровский был знаком решительно со всеми предрержащими властями, все его знали, и всех знал он; не было такого места, куда бы он не сунул своего носа, и он держал себя запанибрата со всеми, начиная с графов и князей и кончая последним дворником и городовым. Он всюду имел пропуск, бывал там, где не могли бывать другие, во всех театрах был своим человеком, не платил за проезд по железной дороге и так далее. Он был принят и в чопорном Английском клубе, и в самых отвратительных трущобах Хитрова рынка. Когда воры украли у меня шубу, то я прежде всего обратился к нему, и он поводил меня по таким местам, где могли жить разве только одни душегубы и разбойники. Художественному театру нужно было ставить горьковскую пьесу «На дне» – Гиляровский знакомил его актеров со всеми «прелестями» этого дна. Не было такого анекдота, которого бы он не знал, не было такого количества спиртных напитков, которого он не сумел бы выпить, и

В то же время это был всегда очень корректный и трезвый человек. Гиляровский обладал громадной силой, которой любил хвастануть. Он не боялся решительно никого и ничего, обнимался с самыми лютыми цепными собаками, вытаскивал с корнем дерева, за заднее колесо извозчичьей пролетки удерживал на всем бегу экипаж вместе с лошадьёю. В саду «Эрмитаж», где была устроена для публики машина для измерения силы, он так измерил свою силу, что всю машину выворотил с корнем из земли. Когда он задумывал писать какую-нибудь стихотворную поэму, то у него фигурировали Волга-матушка, ушкуйники, казацкая вольница, рваные ноздри...

В мае 1885 года я кончил курс гимназии и держал экзамены зрелости. Чтобы не терять из-за меня времени, брат Антон, сестра и мать уехали на дачу в Бабкино, и во всей квартире остался я один. Каждый день, как уже будущий студент, я ходил со Сретенки в Долгоруковский переулок обедать в студенческую столовую. За обед здесь брали 28 копеек. Кормили скупо и скверно, и когда я возвращался домой пешком, то хотелось пообедать

снова.

В одно из таких возвращений, когда я переходил через Большую Дмитровку, меня вдруг кто-то окликнул:

– Эй, Миша, куда идешь?

Это был В. А. Гиляровский. Он ехал на извозчике куда-то по своему репортерскому делу. Я подбежал к нему и сказал, что иду домой.

– Садись, я тебя подвезу, Я обрадовался и сел.

Но, отъехав немного, Гиляровский вдруг вспомнил, что ему нужно в «Эрмитаж» к Лентовскому, и, вместо того чтобы попасть к себе на Сретенку, я вдруг оказался на Самотеке, в опереточном театре. Летние спектакли тогда начинались в пять часов вечера, а шел уже именно шестой, и мы как раз попали к началу.

– Посиди здесь, – сказал мне Гиляровский, введя в театр, – я сейчас приду.

Поднялся занавес, пропел что-то непонятное хор, а Гиляровского все нет и нет. Я глядел оперетку и волновался, так как ходить по «Эрмитажам» гимназистам не полагалось.

Вдруг ко мне подошел капельдинер и потребовал билет. Конечно, у меня его не оказалось, и капельдинер взял меня за рукав и, как зайца, повел к выходу. Но, на мое счастье, точно из-под земли вырос Гиляровский.

– В чем дело? Что такое?

– Да вот спрашивают с меня билет... – залепетал я.

– Билет? – обратился Гиляровский к капельдинеру. – Вот тебе, миленький, билет!

И, оторвав от газеты клочок, он протянул его вместо билета капельдинеру. Тот ухмыльнулся и пропустил нас обоих на место.

Но Гиляровскому не сиделось.

– Пойдем, мне пора.

И мы вышли с ним из «Эрмитажа».

– Я, кажется, хотел подвезти тебя домой... – вспомнил Гиляровский. – Где же наш извозчик?

Он стал оглядываться по сторонам. Наш извозчик оказался далеко на углу, так как его отогнал от подъезда городской. В ожидании нас он мирно дремал у себя на козлах, свесив голову на грудь.

Гиляровский подошел к нему и с такой си-

лой тряхнул за козлы, что извозчик покачнулся всем телом и чуть не свалился на землю.

– Дурак, черт! Слюни распустил! Еще успеешь выспаться!

Извозчик очухался, и мы поехали.

Нужно было уже сворачивать с Садовой ко мне на Сретенку, когда Гиляровский вдруг вспомнил опять, что ему необходимо ехать зачем-то на Рязанский вокзал, и повез меня насильно туда. Мы приехали, он рассчитался с извозчиком и ввел меня в вокзал. Встретившись и поговорив на ходу с десятками знакомых, он отправился прямо к отходившему поезду и, бросив меня, вдруг вскочил на площадку вагона в самый момент отхода поезда и стал медленно отъезжать от станции.

– Прощай, Мишенька! – крикнул он мне.

Я побежал рядом с вагоном.

– Дай ручку на прощанье! Я протянул ему руку.

Он схватился за нее так крепко, что на ходу поезда я повис в воздухе и затем вдруг неожиданно очутился на площадке вагона.

Поезд уже шел полным ходом, и на нем

вместе с Гиляровским уезжал куда-то и я. Силач увозил меня с собой, а у меня не было в кармане ни копейки, и это сильно меня беспокоило.

Мы вошли с площадки внутрь вагона и сели на местах. Гиляровский вытащил из кармана пук газет и стал читать. Я постарался казаться обиженным.

– Владимир Алексеевич, куда вы меня везете? – спросил я его наконец.

– А тебе не все равно? – ответил он, не отрывая глаз от газеты.

Вошли кондуктора и стали осматривать у пассажиров билеты. Я почувствовал себя так, точно у меня приготовились делать обыск. У меня не было ни билета, ни денег, и я уже предчувствовал скандал, неприятности, штраф в двойном размере.

– Ваши билеты!

Не поднимая глаз от газеты, Гиляровский, как и тогда в театре, оторвал от нее два клочка и протянул их обер-кондуктору вместо билетов. Тот почтительно пробил их щипцами и, возвратив обратно Гиляровскому, проследовал далее. У меня отлегло от сердца. Стало

даже казаться забавным.

Мы вылезли из вагона, кажется, в Люберцах или в Малаховке и крупным, густым лесом отправились пешком куда-то в сторону. Я не был за городом еще с прошлого года, и так приятно было дышать запахом сосен и свеженьких березок. Было уже темновато, и ноги утопали в песке. Мы прошли версты с две, и я увидел перед собою поселок. Светились в окошках огни. По-деревенски лаяли собаки. Подойдя к одному из домиков с палисадником, Гиляровский постучал в окно. Вышла дама с ребенком на руках.

– Маня, я к тебе гостя привел, – обратился к ней Гиляровский.

Мы вошли в домик. По стенам, как в деревенской избе, тянулись лавки, стоял большой стол; другой мебели не было никакой, и было так чисто, что казалось, будто перед нашим приходом все было вымыто.

– Ну, здравствуй, Маня! Здравствуй, Алешка! Гиляровский поцеловал их и представил даме меня.

Это были его жена Мария Ивановна и сынишка Алешка, мальчик по второму году.

– Он у меня уже гири поднимает! – похвастался им Гиляровский.

И, поставив ребенка на ножки на стол, он подал ему две гири, с которыми делают гимнастику. Мальчишка надул щеки и поднял одну из них со стола. Я пришел в ужас. Что, если он выпустит гирю из рук и расшибет себе ею ноги?

– Вот! – воскликнул с восторгом отец. – Молодчина!

Таким образом я нежданно-негаданно оказался на даче у Гиляровского в Краскове.

Я переночевал у него, и Мария Ивановна не отпустила меня в Москву и весь следующий день. Мне так понравилось у них, что я стал приезжать к ним между каждых двух экзаменов. В один из дней, когда я гостил в Краскове, Гиляровский вдруг приехал из Москвы с громадной вороной лошадью. Оказалось, что она была бракованная, и он купил ее в одном из полков за 25 рублей. Вскоре выяснилось, что она сильно кусалась и сбрасывала с себя седока. Гиляровский несколько не смутился этим и решил ее «выправить» по-своему, понадеявшись на свою физическую

силу.

– Вот погоди, – сказал он мне, – ты скоро увидишь, как я буду на ней ездить верхом в Москву и обратно.

Лошадь поместили в сарайчике, и с той поры только и стало слышно, как она стучала копытами об стены и ревела, да как кричал на нее Гиляровский, стараясь отучить ее от пороков. Когда он входил к ней и запирали за собой дверь, мне казалось, что она его там убьет; беспокоилась и Мария Ивановна. Гиляровский же и лошадь поднимали в сарайчике такой шум, что можно было подумать, будто они дерутся там на кулачки; и действительно, всякий раз он выходил от своего Буцефала весь потный, с окровавленными руками. Но он не хотел сознаться, что это искусывала его лошадь, и небрежно говорил:

– Так здорово бил ее, сволочь, по зубам, что даже раскровянил себе руки.

В конце концов пришел какой-то крестьянин и увел лошадь на живодерку. Гиляровский потерял надежду покататься на ней верхом и отдал ее даром.

Он не прерывал добрых отношений с мо-

им братом Антоном до самой его смерти и нежно относился ко всем нам. Бывал он у нас и в Мелихове в девяностых годах. Всякий раз, как он приезжал туда, он так проявлял свою гигантскую силу, что мы приходили в изумление. Один раз он всех нас усадил в тачку и прокатил по всей усадьбе. Вот что писал брат Антон А. С. Суворину об одном из таких его посещений Мелихова: «Был у меня Гиляровский. Что он выделывал! Боже мой! Заездил всех моих кляч, лазил на деревья, пугал собак и, показывая силу, ломал бревна» (8 апреля 1892 года).

Я не помню Гиляровского, чтобы когда-нибудь он не был молод, как мальчик. Однажды он чуть не навлек на нас неприятное подозрение. Дело было так. Жил-был в Москве, в Зарядье, портной Белоусов. У него был сын, Иван Алексеевич, впоследствии известный поэт и переводчик и член Общества любителей российской словесности. Тогда он тоже был портным и между делом робко пописывал стишки. Задумал отец женить этого милейшего Ивана Алексеевича. Сняли дом у какого-то кухмистра, «под Канавою» в Замоскворечье,

позвали оркестр, пригласили знакомых и незнакомых – и стали справлять свадьбу. Думаю, что гостей было человек более ста. Тогда мой брат Иван Павлович служил в Мещанском училище, в котором Белоусов обшивал кое-кого из учителей. Обшивал он, спасибо ему, тогда и меня. И вот он пригласил к себе на свадьбу всех нас, братьев Чеховых, но отправились мы трое: Антон, Иван и я. Вместе с нами пошел туда и Гиляровский.

Там мы познакомились с приятелем жениха, Николаем Дмитриевичем Телешовым, молодым, красивым человеком, который был шафером и танцевал, ни на одну минуту не расставаясь с шапокляком, в течение всей ночи.

Это был известный потом писатель, литературный юбилей которого не так давно трогательно справлялся в Союзе писателей. Когда мы возвращались уже под утро домой – братья Антон, Иван и я, Телешов и Гиляровский, – нам очень захотелось пить. Уже светало. Кое-где попадались ночные типы, кое-где отпирались лавчонки и извозчичьи трактиры. Когда мы проходили мимо одного из та-

ких трактиров, брат Антон вдруг предложил:

– Господа, давайте зайдём в этот трактир и выпьем чаю!

Мы вошли. Все пятеро, во фраках, мы уселись за неопрятный стол. Трактир только что ещё просыпался. Одни извозчики, умывшись, молились богу, другие пили чай, а третьи кольцом окружили нас и стали разглядывать. Гиляровский острил и отпускал словечки. Брат Антон Павлович и Телешов говорили о литературе.

Вдруг один из извозчиков сказал:

– Господа, а безобразят...

Конечно, он был прав, но Гиляровскому захотелось подурачиться, он вскочил с места и пристально взгляделся в лицо извозчика.

– Постой, постой, – сказал он в шутку. – Это, кажется, мы вместе с тобой бежали с каторги?

Что тут произошло! Все извозчики повскакали, всполошились, не знали, что им делать – хватать ли Гиляровского и вести его в участок, доносить ли на своего же брата извозчика, или постараться замять всю эту историю. Но дело вскоре уладилось само собой: Гиляровский сказал какую-то шуточку, уго-

стил извозчиков нюхательным табачком, моралист-извозчик постарался куда-то скрыться, и стали подниматься и мы. Помнит ли об этом Телешов? Впрочем, он так был увлечен разговором с Антоном Павловичем, что, вероятно, не обратил на всю эту сцену никакого внимания.